

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

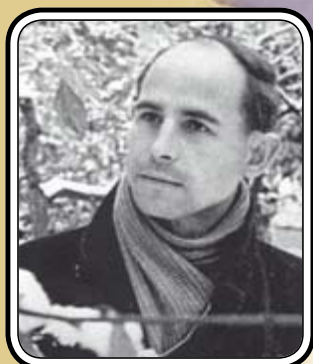
РОМАН-ГАЗЕТА

3

■ 2016 (201)

6+

ISSN 1684-0895

ИМЕНА:

Николай Рубцов

БУХТИНЫ:

Облака

**ИЗ БАБУШКИНОГО
СУНДУКА:**

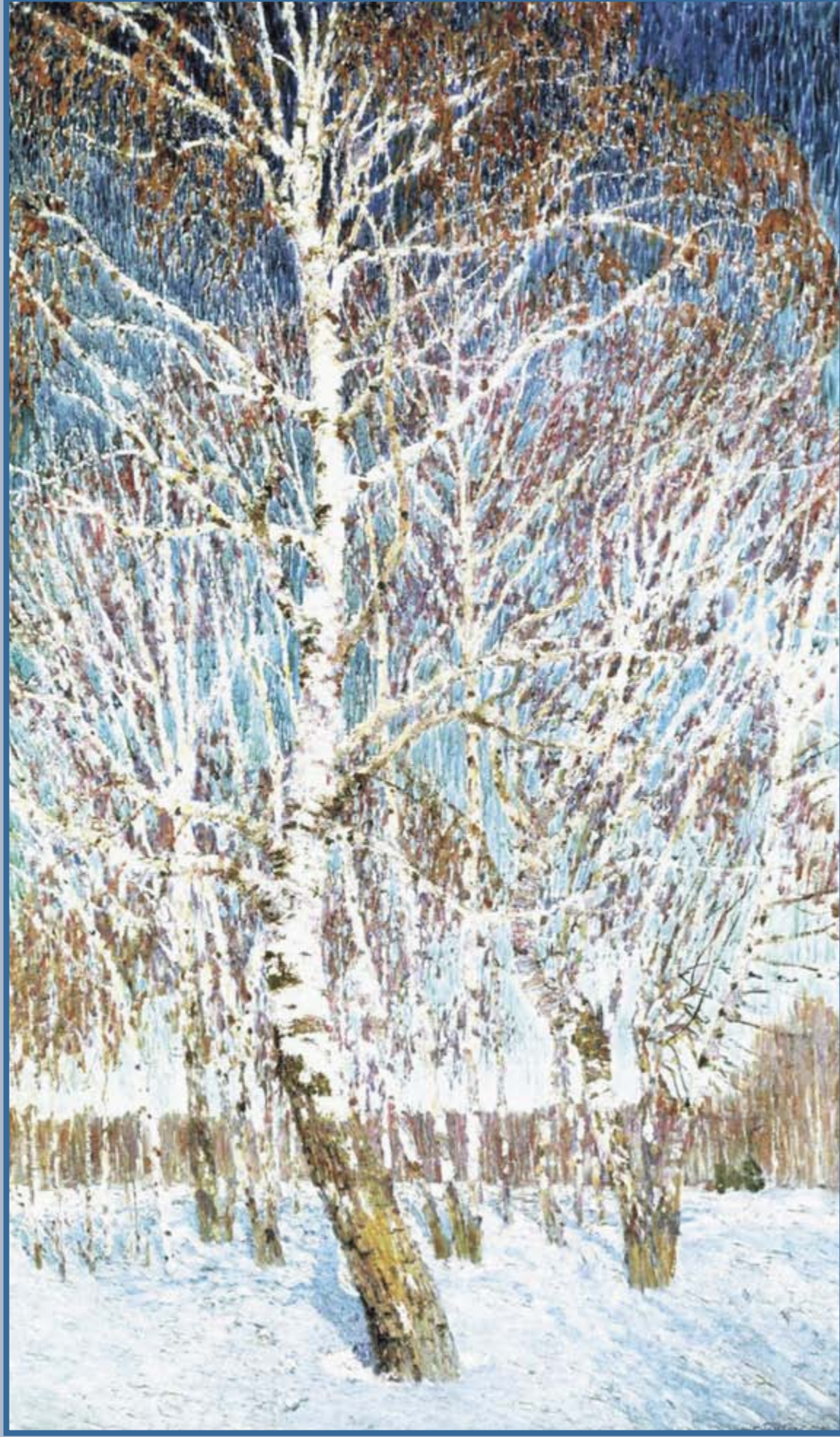
Мезенская роспись

Валентин Юдин

**Валькины
рассказы**

Художник И. Гробарь. «Февральская лазурь»

Вячеслав Иванов

Март

Поликсене Соловьёвой

Тёплый ветер вихревой,
Непутёвый, вестовой,
Про весну смутянит, шалый,
Топит, топчет снег отталый,
Куролесит, колесит,
Запевалой голосит...

Кто-то с полночи нагрёб
На проталину сугроб,
Над землёю разомлелой
Пронесясь зимою белой.
Старый снег на убыль шёл, —
Внук за дедушкой пришёл.

Солнце весело печёт,
С крыш завеянных течёт,
С вешней песней ветер пляшет,
Чёрными ветвями машет,
Понагнал издалека
Золотые облака.

В. Бельх
Катание на Масленицу
1908 г.

В номере:

3

Валентин Юдин

Валькины рассказы

14

УГОЛОК РОССИИ

Олег Трушин

Край света Камчатка: в Долине Тысячи Дымов

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Масленица в русской живописи

21

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Павел Гусев

Мамин платочек с узелком

21

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Синий чулок. Калачом не заманишь

22

РАССКАЗЫ

Олег Трушин

И поселился бобр в деревне...

24

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядко

Перспективы Космоса

26

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Степан Писахов

Морожены песни

29

ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА

Мезенская роспись

30

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«За всё добро расплатимся добром...»

33

ЖИВОЙ УГОЛОК

Виталий Бианки

Голубой зверёк

34

БУХТИНЫ

Владимир Волков

Облака. Наш деревенский Шаляпин

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

ИГРОТЕКА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая

типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 752

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Валентин Юдин

Валькины рассказы

Художник Владимир Юдин

ПРОКАРАУЛИЛ

Вальке не было и шести лет, когда однажды мать, уходя на работу, дала ему важное поручение: стеречь овец, которые паслись в огороде.

Была осень, с грядок уже всё убрали — и картошку, и капусту; начинались заморозки, поэтому домашние животные были в хлеву. Лишь иногда их выпускали пастись в опустевшие огороды.

Время от времени Валька высовывался в окно, посматривая, на месте ли их две овцы и четыре ягнёнка.

После обеда пришёл Витька, закадычный Валькин друг, страдавший от безделья — за него по дому всё делала бабка Анна; пришёл просто так, от нечего делать. Заигравшись с приятелем, Валька забыл про овец, а когда вспомнил и посмотрел в окошко — не досчитался одного ягнёнка! Видно было, что в заборе выбиты две доски.

Валька сразу догадался, что в огороде побывал волк. Мать предупреждала его о волках. В то время шла война, и звери

сбегались в места, где не велись военные действия.

От горя Валька разревелся, поссорился с Витькой, считая, что он виноват в случившемся: не пришёл бы — и Валька не забыл бы про поручение матери.

Мать не очень строго наказала Вальку — только поругала. Голову и ноги ягнёнка нашли в овраге у гумна. Валька снова плакал: ему было жаль ягнёнка; кроме того, он не выполнил просьбу матери — а он так её любил!

Слабым утешением служило лишь то, что в этот же день из огорода второго Валькиного друга — Женьки, волк тоже утащил ягнёнка. Вот Женьке пошло здорово! У него был очень строгий отец, он недавно, раненный, вернулся с фронта. Валькин же отец тоже был строгий, но он ещё воевал с немцами.

Валька попросил мать не писать о случившемся отцу, она пообещала. А он дал слово, что сам ему всё расскажет, как только тот победит фашистов и вернётся домой. Слово это Валька потом сдержал.

НЕ ПОЙМАН — НЕ ВОР

Валька с матерью жили в доме деда, построенном много лет назад. Дедушка давно умер, а вскоре сгорела его баня. О месте, где она стояла, напоминали только груды кирпичей да глубокая яма, откуда дед брал для бани воду. После пожара этой ямой не пользовались, её затянуло зелёной ряской, по водной поверхности шныряли шустрые водомерки. Только иногда, в особенно засушливое лето, если высыхал расположенный ближе к огороду пруд, для полива грядки воду черпали из этой ямы.

Валька лет с пяти носил воду в огород из пруда или из ямы «взрослым» ведром. Там, где он ходил, всегда получались две параллельные тропы: одна от Валькиных босых ног, другая — от ведра с водой, которое он, совсем ещё малыш, почти волоком таскал по земле. Эти две тропинки нередко служили поводом для всяких шуток со стороны взрослых, но Валька на них не обижался.

Однажды, зачерпнув воду из ямы, Валька увидел, как в ведре что-то засверкало — словно золотая рыбка. Он присмотрелся — действительно, это была небольшая красивая рыбёшка, каких ему раньше видеть не доводилось. Дома взрослые определили: Валька поймал

ведром карася. Оказалось, что карасей в яме немало, но каким образом они там появились, никто объяснить не мог. Раньше рыбок не замечали, может быть потому, что к яме подходили редко.

Правда, Валькина мать припомнила, что она вроде несколько раз видела, как соседский кот, которого из-за чёрного окраса прозвали Трубочистом, и эта неудобная для произношения кличка за ним закрепилась, пробегал от ямы с рыбой в зубах. Но тогда она не придавала этому значения.

Валька тоже вспомнил, как иногда находил на ведущих в яму земляных ступеньках золотистые чешуйки, только в то время не догадывался, что они рыбы.

Короче говоря, Трубочист у всех попал под подозрение. Валька не однажды пытался его выследить, прячась в высокой крапиве на пепелище бани, но безуспешно — только зря обжёгся этой «кусачей» травой.

Один раз Трубочист всё-таки объявился у бани, но Валька лишь успел заметить, как, улепётывая от ямы прочь, он что-то тащил в зубах. Однако что именно — Валька из засады не рассмотрел.

Предполагали, что кот по ступенькам спускался к воде и лапой хватал зазевавшихся карасиков, когда они под-

плывали достаточно близко. А может быть, он подбирал рыбок, когда те, играя, выпрыгивали на нижнюю ступеньку, расположенную вровень с водой. Но всё это были только догадки. Прямых улик против Трубочиста не нашлось, на месте «преступления» его так ни разу и не поймали. И в конце концов кота оставили в покое, хотя подозрений с него не сняли.

Потому что, как известно, не пойман — не вор.

ГОЛУБИ

В Валькиной деревне никогда не было так много голубей, как, к примеру, в Москве. Их лишь изредка удавалось увидеть в поле или в лесу, а иногда они пролетали над деревней — непременно парами.

Однажды, когда ещё шла война с немцами, два голубя поселились у Вальки в сарае, где держали кур. Парочка красивых птиц сначала боязливо садилась на крышу дома; потом, видимо, освоившись, птицы через открытые ворота стали залетать внутрь сарая и даже клевать корм вместе с курами.

Вальке показалось, что новое жильё пришлось им по нраву: голуби на высоком помосте начали устраивать себе гнездо. Тогда Валька поставил туда ящик, укрепил его и напихал в него сена. И вскоре в ящике-гнезде появилось одно голубиное яичко, за ним второе. Чтобы голуби могли в любое время беспрепятственно залетать в сарай, по Валькиной просьбе в стене выпилили небольшое отверстие. Птицы быстро к нему привыкли.

Спустя некоторое время в гнезде уже было два птенчика. Голуби-родители часто приносили им корм, птенцы подрастали, потом сами стали слетать к куриной кормушке. А однажды один из птенцов чуть не стал добычей Валькиной кошки Мурки — хорошо, что рядом вовремя оказалась бабушка, она и спасла голубочка.

Голуби жили в сарае всё лето, кормились вместе с курами, иногда куда-то улетали, но всегда возвращались.

Однако поздно осенью птицы неожиданно исчезли. Наверное, улетели в лес, на волю. Ведь это были лесные голуби.

Валька долго горевал.

Деревенские старушки — Валька сам слышал их разговоры — уверяли, что

это были вовсе не голуби, а «Святой Дух», посланный Богом, и что в Валькин дом обязательно придёт счастье.

Валька был ещё маленький, даже в школу не ходил, но в существовании Бога он чуть-чуть сомневался. Он всегда спрашивал: почему же Бога никто, в том числе и он, Валька, ни разу не видел? Ответы его не переубеждали.

И всё-таки после войны Валька решил, что Бог есть: ведь его отец, воевавший пулемётчиком на трёх войнах — сначала в Финляндии, потом с немцами и японцами, остался жив и вернулся домой. «Это и есть счастье, которое послал Бог, а принесли его нам голуби», — говорила Валькина мать. И он с матерью соглашался.

НИКАНОРОВНА

Валька любил всю деревенскую живность — и корову с телёнком, и овец, и кур. Бывало, последние кусочки хлеба, которые удавалось выпросить у матери или бабушки, скармливал животным. Особенно хорош был петух: огромная белая птица с длинными острыми шпорами на ногах; его красный гребень смотрелся как корона — так, во всяком случае, казалось Вальке. В драках с соседскими петухами побеждал всегда Валькин Петька. За это ему доставался самый большой кусок хлеба.

Валькина бабушка петуха тоже поначалу хвалила: он с ранней весны до осенних заморозков водил всё куриное семейство на колхозное гумно, расположенное недалеко от дома, у оврага. И куры всегда были сыты: на гумне можно было отыскать зёрна, рассыпанные во время молотбы. Валька с друзьями также иногда собирали с земли эти зёрна и относили домой — и никто из взрослых за это их не ругал. Потому что была война.

Неприятности у Валькиного петуха начались после того, как временами стала пропадать рябая курица — подарок Валькиной бабушке от её дальней родственницы, Александры Никаноровны.

В тайне от бывшей хозяйки Валька стал называть эту курицу «Никаноровна». Впрочем, взрослые в доме об этом знали и позволяли Вальке такую вольность.

И вот как-то летом Никаноровна неожиданно исчезла. В доме — переполох. Бабушка почём зря ругала петуха — будто он «не уследил» за Никаноровной. Петька, наверное, знал, где пропадает его рябая подруга, но тайну её не выдавал. А недели через три всё прояснилось: Никаноровна явилась домой, а с ней — одиннадцать пушистых жёлтеньких карапузиков-цыплят. Оказалось, что она устроила гнездо в зарослях крапивы у стены дома; крыша дома спасала её от дождей; там она и высидела цыплят.

Все были рады возвращению Никаноровны, особенно Валька. Правда, с тех пор работы по дому ему прибавилось — он должен был кормить цыплят. Никаноровну он иногда тоже подкармливал чем-нибудь вкусеньким; она замечала доброту мальчика и только ему позволяла брать цыплят в руки.

Однажды Валька и его бабушка стали очевидцами храброго поступка Никаноровны: рыжая кошка соседней попыталась схватить отставшего от матери цыплёнка, но Никаноровна с отчаянным криком бросилась на хищницу, и та едва успела спастись от неё, забравшись на дерево.

Валька ухаживал за цыплятами старательно, и вскоре у Никаноровны выросли четыре петушка и семь курочек — все рябые, как и она сама.

УМНИЦА

Валька лет с шести помогал матери на конюшне ухаживать за лошадьми. Больше остальных он полюбил Лебёдку — молодую кобылу с шеей как у лебедя. Весной у Лебёдки родился жеребёнок — рыжий, длинноногий, с белым пятнышком на лбу — точно со звёздочкой. Его и назвали — Звёздочка.

Валька иногда целыми днями пропадал на конюшне, играя с жеребёнком; когда тот подрос, приносил ему свежую траву, кусочки хлеба, какие-нибудь овощи. Кое-что из угощений доставалось и Лебёдке. Кобыла особенно любила сладкое, но время было военное (шёл четвёртый год войны с фашистской Германией), и Вальке самому не давали ни конфет, ни сахара — их просто не было не только дома, но даже и в магазине.

Через некоторое время жеребёнка вместе с Лебёдкой стали выпускать на волю: он весело резвился, играя, бегал за Валькой. Кобыла тоже привязалась к мальчику. Часто и Лебёдка и Звёздочка касались Валькиного лица мягкими тёплыми губами, будто целуя в знак благодарности за дружбу.

Мать начала поручать Вальке водить лошадей на водопой к речке, протекавшей под горой, в полукилометре от деревни. А уже вскоре Валька ездил к речке верхом на Лебёдке. Поначалу он вскарабкивался на лошадиную спину с помо-

щью матери, потом же стал справляться сам: с забора, ограждавшего конюшню.

Однажды в жаркий летний день Валька, искупавшись и напоив лошадей, взобрался с крутого берега на Лебёдку, чтобы ехать обратно.

Было оводно: насекомые роем вились над животными, кусали их. Лебёдка вела себя беспокойно, и как только почувствовала, что всадник наверху и держится за гриву, стремглав помчалась в деревню. Жеребёнок едва поспевал за ней... Вот уже показалась конюшня. И хотя ворота в неё отворены, они довольно низкие — чуть выше лошадиного роста. Валька моментально сообразил: если лошадь не остановится или он не прыгнет, то наверняка разобьётся, ударившись о верхнюю перекладину ворот. Что делать? На бегу прыгнуть с лошади никак нельзя. Взрослых поблизости не видно — значит, ему никто не поможет.

Между тем Лебёдка, подбежав к конюшне, вдруг встала как вкопанная. Она не пошла в стойло даже следом за вбежавшим туда жеребёнком. Казалось, умное животное давало Вальке возможность спуститься на землю. Мальчик не заставил просить себя дважды и тут же слез. Только после этого Лебёдка зашла в ворота сама. Валька понял, что лошадь буквально спасла его от верной гибели, и с тех пор привязался к ней сильнее прежнего. Правда, от матери происшедшее он всё-таки предпочел скрыть, боясь, что та запретит ему ездить верхом.

В конце лета Звёздочка неожиданно заболела. Пришлось ехать в другое село к врачу-ветеринару. Лебёдку запрягли в дрожки, мать взяла Вальку с собой. Ехали медленно, чтобы жеребёнок не очень устал.

В то время в деревнях машин было мало, и лошади их боялись.

Валька с матерью уже ехали по селу, когда сзади, в клубах жёлтой пыли, появился грузовик. Лебёдка испугалась его гула и как угорелая помчалась вдоль села. Жеребёнок — следом. Встречные люди едва успевали шарахаться в стороны. А мать, правившая лошадью, никак не могла её остановить. Казалось, вот-вот случится беда.

Валька со страха заплакал и стал громко кричать: «Лебёдка! Стой! Стой!» И... кобыла покорно остановилась. По

Валькиной ли «команде», или по другой причине — никто не знал. Но мать Вальки и раньше замечала, что Лебёдка совершенно не переносила слёз мальчика, особенно громкого плача. Она всегда реагировала на это каким-то странным протяжным ржанием.

После этого случая Валька не называл Лебёдку иначе, как Умница. К новой кличке лошадь быстро привыкла и вскоре уже отзывалась на неё.

А Звёздочка после болезни поправилась и потом ещё долго служила людям.

ТЕПЛИНКА

Валькино детство прошло в сельской глуши, в маленькой деревеньке Рябинкино. Это были трудные военные и послевоенные годы. В летние месяцы детвора всегда занималась чем-то полезным: в огороде, дома; собирали в лесу грибы, ягоды, пасли коров и овец. Деревенские дети не знали тогда ни летних лагерей, ни пионерских костров. Даже слово «костёр» почти не употреблялось в разговорах — костёр называли «теплинкой».

Теплинку — небольшой костерок, чаще всего разжигали во время пастьбы скота — погреться у огня, подсушить намокшую в непогоду одежду (зонтов и

плащей-дождевиков в деревне тогда не имели).

Иногда «на дымок» к теплинке собиралась вся деревенская ребятня. Было шумно и весело: пекли картошку, варили выпрошенные дома у матери, а то и вытащенные прямо из-под курицы яйца. До сих пор помнится совершенно особенный вкус той печёной картошки.

При выборе места для теплинки строго соблюдали наставления взрослых: огонь нельзя разводить вблизи строений, в лесу — в сухую погоду, и ни в коем случае — если ветер дует не в том направлении.

Конечно, дети есть дети; Валька и его друзья порой тоже озорничали — например, поджигали в поле стерню (остатки стеблей после уборки урожая), но при этом неукоснительно следили, чтобы ветер в это время не дул в сторону деревни! Вспоминается, как при разжигании теплинки городские ребята, приезжавшие на лето в деревню к родственникам, важно демонстрировали своим деревенским сверстникам «научный» метод определения движения ветра, смачивая во рту палец и поднимая его вертикально — вот, мол, учитесь!

Забавно, конечно, но главное в другом: осторожность в обращении с огнём не была излишней. Может быть, поэтому в деревне ни разу не случилось пожаров.

Давно это было; той деревни уже нет, но слово «теплинка» помнится до сих пор. Очень красивое и правильное слово, от него словно теплом веет. Не правда ли?

ШУРКА И ЧЁРНАЯ ОВЦА

В Валькиной деревне жила его двоюродная бабушка Настасья — в своём доме, отдельно от семьи Вальки. А напротив дома бабушки стояла избушка девочки-сироты Шурки. Все звали её Шурка Марьяна, по имени её покойной матери, хотя фамилию она носила другую. Шурке было лет пятнадцать, не больше. Где-то в городе жила её старшая сестра, уже взрослая, но девочка боялась к ней ехать. Всё хозяйство Шурки — огород в две-три грядки и чёрная овца. От этой овцы Шурке не было никакой пользы, у неё даже ягнят не родилось. Шурка её держала только в память о матери.

Девочка жила очень бедно — ведь шла война, годы были голодные. Соседи, особенно бабка Настасья, чем могли помогали Шурке прокормиться. А летом у неё случилась беда.

Мимо Шуркиной избушки с поля на колхозное гумно возили снопы ржи. Два снопа, видимо, небрежно уложенные, упали с воза прямо под окном Шуркиного дома, и она их взяла себе — наверное, чтобы обмолотить и потом испечь хлеб или сварить кашу. Это увидели из дома проживавшего рядом председателя колхоза, о «краже» стало известно в сельсовете и девочку стали вызывать на допросы. Возвращаясь, она рассказывала, что грозили посадить в тюрьму. Шурка, естественно, испугалась и внезапно исчезла из деревни, оставив открытой свою избушку. На столе нашли записку, в которой, ни к кому не обращаясь, девочка просила присмотреть за её любимой овечкой.

Соседи догадывались, что Шурка могла уехать к сестре, но адреса её никто не знал.

Шуркина чёрная овца осталась без хозяйки. Из жалости к девочке бабушка Настасья взялась ухаживать за овцой, перевела её в свой хлев. Валька помогал ей. Овца, возвращаясь из поля, по старой памяти ещё долго забегала в Шур-

кин двор; видимо, надеялась, что её прежняя хозяйка вернётся. Но Шурки всё не было, и Вальке с бабушкой всякий раз стоило немалого труда заманить овцу на новое место.

Бабушка всё надеялась — рано или поздно Шурка объявится, но та не давала о себе знать; наверное, боялась наказания за проклятые снопы.

Года через два, не рассчитывая больше на возвращение девочки, бабушка Настасья отдала её овцу, уже с двумя ягнятками, тоже чёрненькими, в соседнюю деревню многодетной семье, приехавшей в начале войны в эвакуацию из Ленинграда.

А спустя примерно ещё год Шурка вдруг прислала бабушке письмо: действительно, она жила у сестры, устроилась хорошо и уже работала на ткацкой фабрике. Между прочим, спрашивала — что стало с её овцой.

Бабушка Настасья ответила Шурке (письмо писала Валькина мать — сама бабушка грамоты не знала), где находится овечка и что её могут вернуть или заплатить деньги — пусть только напишет, сколько.

Вскоре от Шурки пришло второе письмо: никаких денег ей не надо. «Пусть это будет подарком для эвакуированных», — написала Шурка.

А зимой бабушка Настасья неожиданно получила от Шурки небольшую посылку — она прислала ей чаю, а для Вальки — дорогих конфет. Вот такая добрая оказалась сирота Шурка. «И зачем её хотели посадить в тюрьму, такую добрую?» — недоумевал маленький Валька.

ПУТЕВОДНАЯ ПЕСНЯ

В голодные военные и послевоенные годы хорошим подспорьем в деревне считались заготовленные на зиму дикорастущие ягоды, грибы. Ягоды только сушили, а грибы — и сушили, и солили, а некоторые — и мариновали.

Валька не любил собирать ягоды — уж очень медленно наполнялось лукошко, да и комары, мошки всякие надоедали. А вот за грибами он ходил с большой охотой. Пяти-шестилетние грибники знали все потаённые места — где росли белые, где рыжики, а где маслята.

Интересно, что до войны в Валькиной деревне считали поганками такие грибы, как лисички и осенние опята. Их стали собирать только после приезда горожан, эвакуированных в начале войны из Москвы и Ленинграда. Между прочим, они же впервые научили деревенских жителей выращивать помидоры.

Однажды Валька и его друг Женька, вдвоём, когда уже было за полдень, уговорились пойти в лес за грибами. А надо сказать, что из-за голодного времени грибников в лесу порой собиралось больше, чем грибов. И вот чтобы не остаться без добычи, мальчишки решили пройти подальше, к соседней деревеньке. В этой деревне давно уже никто не жил, дома стояли пустые, с заколоченными окнами.

Ребята не ошиблись — грибов в том месте оказалось вдоволь — и пузатых крепышей белых, и длинноногих подберёзовиков, и красноголовых подосиновиков. Прошли ещё дальше — а там красавцев-боровиков и того больше, так что вскоре из заполненных доверху корзинок грибы уже вываливались. Значит, пора назад.

Но где дорога к дому? Никаких ориентиров. Солнце за тучами. Из пустой деревни — ни звука, в ней никто не живёт. Да и в лесу тоже неожиданно всё смолкло — птицы и те перестали чирикать; какая-то зловещая тишина сгу-

стилась вокруг ребят. Тут уж грибники поневоле испугались, даже запаниковали: ведь скоро начнёт смеркаться, что тогда делать?

Стоит отметить, что волков в ту пору в округе водилось великое множество — в военные годы они все сбегались в места, где не велось боевых действий, и поэтому стаями бродили по окрестным лесам и полям. Так что остаться тогда в лесу на ночь — без взрослых и без оружия — означало верную смерть.

И вдруг мальчишки услышали песню — это шла почтальонка Галя, она каждый день разносила с почты письма по деревням и всегда что-нибудь напевала. Говорили, что не пела она только если несла кому-то «похоронку» с фронта.

На эту-то песню Валька с Женькой и вышли к дороге.

ЗАПАХ ХЛЕБА

«Трактористы! Трактористы!» — раздавался многоголосый ребячий крик, как только на дороге из леса послышится гул машины. Так было всякий раз, когда весной или в конце лета в Валькину деревню приезжали трактористы, чтобы вспахать колхозные поля. А в то время трактор-колесник — таких теперь не увидишь, разве только в кино

или на старых чёрно-белых фотографиях — был диковинкой для деревенских ребят.

В военные годы, да и после войны на тракторах работали в основном женщины и подростки, в том числе девушки. Труд их был очень тяжёлый.

Для Вальки и его друзей приезд трактористов в деревню означал долгожданную возможность покататься на машине. Немедленно устанавливалась очередь, доходило до ссор и потасовок: каждому из ребят хотелось оказаться среди первых. Таким счастливицам поручалось на следующий день сходить за хлебом для трактористов в расположенную в пяти километрах деревню Вонышево. Между прочим, деревня эта необычная — когда-то давно она принадлежала матери известного писателя Писемского Алексея Феофилактовича.

Чаще других за хлебом ходили Валька и его друг Витька. Они отправлялись в Вонышево с утра — ведь хлеб полагалось доставить к обеду и без опоздания. Впрочем, несмотря на спешность поручения, по дороге делалось немало непредусмотренных остановок: то надо посмотреть, есть ли пескари под мостом через речку Кась, то проверить, не появились ли в потаённых местах грибы, а то захотелось просто подразнить собак в деревне, расположенной по пути.

Наконец, ещё тёплый, прямо из печки, каравай укладывался в сумку, и — в обратный путь. За ближайшим от Вонышево поворотом — первая остановка: друзья проверяли, нет ли у каравая «лишних» корочек. Иногда, к счастью, такие находились; будто бабка Катерина специально испекла хлеб с корочками «про запас».

Запах хлеба дразнил. И вскоре — снова задержка в пути: в этом случае ребята сильно и подолгу трясли каравай в сумке, а потом на дне её находили «случайно» осыпавшиеся хлебные крошки.

В конце пути оставалось довольствоваться лишь запахом хлеба, а чтобы он не улетучивался, сумку крепко завязывали бечёвкой. Временами по очереди (снова в споре — кто первый) открывали сумку и наслаждались запахом душистого каравая.

Хлеб доставлялся к столу почти всегда вовремя — к обеду. Девушки-трактористки иногда отрезали от каравая горбушку и делили её поровну — Вальке и Витьке: то ли как поощрение за выполненное поручение, а скорее — из жалости к ребятам, поскольку видели, как тем хотелось отведать настоящего хлеба.

Этот подарок мальчишки с гордостью уносили домой, чтобы поделиться с родными.

РЫБОЛОВЫ

В третьем-четвёртом классах Валька учился в школе, находившейся в восьми километрах от его деревни. Значит, шесть дней в неделю туда и обратно — по шестнадцать километров ежедневно, в любую погоду — и в дождь, и в мороз.

В километре до школы — река Ноля, обозначенная, между прочим, на некоторых географических картах, чем Валька втайне гордился. Мост через реку — старый, «с царских времён» готовый вот-вот рухнуть. По этой причине и чтобы сократить путь, ребята перебирались на другой берег по мелководью, немного выше по течению от моста. Это место называли бродом. Прыгая с камня на камень, с отмели на отмель, речку преодолевали иногда, не намочив ног.

С наступлением морозов на противоположный берег перебегали по льду. В этом было особое удовольствие: можно вдоволь покататься — справа глубокий омут, лёд на нём чистый, прозрачный, но дна не видно — так глубоко! Подо льдом плавают метровые щуки: вот они, под ногами, но попробуй поймать — не тут-то было! Лёд потрескивает, опасно!

А рыбалка всё-таки была, и довольно часто.

Слева от брода находилось совсем неглубокое место, особенно вдоль правого берега. На мели подо льдом — ленивые, жирные налимы, каждый килограмма на два-три. Можно ли пройти мимо?! Удар камнем по льду над головой налима, он оглушён, и считай, что рыба твоя. Осталось тем же камнем — главное, успеть, пока налим не «пришёл в себя» — пробить в крепком льду лунку и вытащить рыбу. Обыкновенно таким способом добывали пять рыбин — по одной каждому участнику рыбалки (две девочки — не в счёт, они в рыбалке не принимали участия).

В школу приходили ко второму, а то и к третьему уроку — мокрые, пропахшие рыбой.

На обратном пути спрятанных на берегу в кустах и уже замерзших налимов нанизывали на прутья и несли домой.

Время было голодное — послевоенные годы. Наверное, поэтому Вальку и его школьных друзей за такую рыбалку серьёзно не ругали ни дома, ни в школе. Учительница, правда, делала «внутренняя» за опоздания и предупреждала об опасностях на льду. Родители же, не догадываясь о пропущенных уроках, иногда даже хвалили удачливых рыболовов.

ЯБЛОКО

Валька попробовал настоящих яблок в четырнадцать лет, когда приехал в Москву.

В тех местах, где он жил раньше, яблони и вообще фруктовые деревья никто не выращивал. Во всей Валькиной деревне росла лишь одна яблоня — рядом с домом одинокой старушки Захаровны, которую односельчане почему-то называли колдуньей. Как только в чьём-либо доме случится беда: дети или взрослые занемогут, скотина ли заболеет, считалось, что это проделки Захаровны. Старики начинали рассуждать, почему и за что она могла отомстить именно им, старались припомнить, когда старуха грозилась «навести порчу».

После смерти Захаровны яблоня осталась без присмотра. Наверное, из-за суеверия взрослые запрещали детям срывать с неё яблоки, однако непослушная детвора тайком, но подчистую объедала ещё неспелые плоды, так что никто даже и не знал, какой у них был бы вкус в зрелую пору.

В пятом классе сельской школы, в котором учился Валька, все ребята знали, что у учителя ботаники Николая Ивановича дочь живёт в Крыму и присыла-

ет родителям много посылок с южными фруктами, в том числе и с яблоками.

Однажды Николай Иванович, в качестве иллюстрации к теме урока, принёс и положил на учительский стол красивое крупное яблоко. «Катенька из Крыма прислала», — похвастался он перед школьниками. Валька сидел на первой парте. Он не только видел красное яблоко, но и чувствовал его соблазнительный аромат.

Учитель объяснил тему урока, показал всем «диковинный» плод, а некоторым счастливым даже дал его понюхать. Борька, Валькин сосед по парте, при этом даже едва не откусил от яблока кусочек. Заметив такое Борькино нахальство, Николай Иванович поспешно положил яблоко обратно на свой стол.

Между тем все пятиклассники почему-то надеялись, что учитель в конце урока разделит яблоко на мелкие дольки и даст попробовать каждому. Однако этого не случилось.

Как только прозвенел звонок, Николай Иванович аккуратно завернул румяный плод в бумажку и спрятал обратно в свой портфель. Стоило ему скрыться за дверью, как весь класс, не сговариваясь, выдохнул ему вслед: «У-у, ж-жадина!»

КРАЙ СВЕТА

ОЧЕРКИ О КАМЧАТСКОМ ПУТЕШЕСТВИИ

КАМЧАТКА

В Долине Тысячи Дымов

«Когда спрашивают: какое место в нашей стране самое интересное, я говорю — Камчатка».

В. М. Песков

«...Со всех сторон. То тут, то там, из почвы вырываются клубы пара, поднимающиеся в спокойном воздухе курчавыми колоннами вверх... Можно было подумать, что дымят бесчисленные трубы невидимого города в ясный и тихий морозный день... Тишина нарушалась нередко то резким свистом, то гудением какого-нибудь отверстия... Вот она, Долина Тысячи Дымов!» Это строки из знаменитого научно-фантастического романа Владимира Афанасьевича Обручева «Земля Санникова».

Где она, эта земля гейзеров, земля Тысячи Дымов? — спросите вы. И вам ответят, далеко, очень далеко, на краю земли, за го-

рами и вулканами, там, где человек гость и где царство медведей, где дуют ветры Тихого океана и ещё есть места, где не ступала нога человека.

И мог ли знать автор «Земли Санникова», что спустя некоторое время на краю Земли российской, на далёком полуострове Камчатка, будет обнаружена Долина гейзеров по образу и подобию той, что описана в романе. Случилось это в 1941 году.

Добраться до Долины Гейзеров в короткий срок по-прежнему можно только на вертолёте. К Долине нет дорог и проехать сюда попросту невозможно. Пеший путь к Долине гейзеров занял бы несколько дней. После того как приземлился вертолёт на одну из сопки, окружающих Долину, нужно было ещё спуститься в низ к реке Гейзерной.

...Утопая почти с головой в обступивших мостки кущах борщевика, шиповника, ольхового стланика, не замедляя шагу, двигаюсь вниз к Долине. Чуть выше плотные заросли кедрового стланика. Я изредка с тревогой, понимая, что наше время пребывания в Долине гейзеров может быть резко ограничено ввиду ухудшения погоды, посматриваю на нависшее над противоположным ущельем плотное туманное облако.

Пока спускаюсь вниз, примечаю замятые кущи борщевика и кедрового стланика, широкие тропы пробитые в густых травяных зарослях, — явные следы присутствия медведя. Реальность встречи с косолапым тут слишком велика!

Кордон — усадьба Долины гейзеров «Кроноцкого заповедника» расположена в глубине долины, на соп-

ке, и от неё долина реки Гейзерной не видна. Плотно разросшиеся кущи камчатской берёзы, ольхового стланика и травянистые заросли не дают видеть со склона долину реки Гейзерной. Лишь лёгкий развеивающийся над долиной дымок говорит о том, что гейзеры живы. Рассказывают, что в осеннюю пору, когда по утрам прихватывает лёгкий морозец, Долина Гейзеров наиболее притягательна взору. Клубящийся плотный пар столпами поднимается ввысь, и создаётся такое впечатление, что курятся дымком невидимые подземные печи.

Осторожно, по ступенькам спускаемся вниз к теперь уже основной части Долины, что пощадил оползень. Справа от тропы огромная каменная берёза. Подсчитали, что растёт тут она не одно столетие. Мощный ствол. Плотная массивная крона. В округе нет похожей. словно страж Долины Гейзеров высится она на взгорье, притягивая к себе внимание.

И вот и оно — парящее дымами ущелье. Осыпавшиеся склоны со скудной, сползающей вниз к реке растительностью и... гейзеры. Большие и малые. Едва дымящие и те, через пар которых не видно дали.

Едва я подошёл к смотровой площадке с видом на ущелье долины реки Гейзерной, как передо мной предстал огромных размеров медведь. До него, было, может быть, чуть больше полсотни метров. Он был на самом спуске к реке, совсем не далеко от пешеходного настила, само собой несколько «урезав» нам дальнейший путь. Ничего не скажешь, хозяин!

...Склоны дымили гейзерами. Когда-то в этом месте было древнее озеро. Потом оно высохло, и ныне ущелье разрезает река, течение которой в тот роковой июньский день прегра-

дочисленных ручьёв, стекающих со склонов вулкана Кихпинич и получившей своё название от открытых тут гейзеров.

Река с шумом бежит к долине Гейзерной через ка-

дил оползень, образовав в её русле озеро, что закрыло собой шесть гейзеров. Едва озеро не дотянулось до Витража гейзеров, что на левом склоне реки Гейзерной. Ещё бы один изгиб реки и Долина возможно, пропала бы вод водами некогда безымянной тёплой речки, рождённой из мно-

менные увалы, срываясь в водопады, натываясь на многочисленные валуны, которыми напичкано её русло, и пенным потоком вливается в озеро, созданное её водами.

Склоны, на которых находятся гейзеры, вулканического происхождения, как, впрочем, и все эти многочисленные хребты, врывающиеся в долину с разных сторон, поросшие неудобьем, по которому идти одно мучение. Со временем их умело «расписали» сами гейзеры минеральными отложениями и водорослями в тех местах, где происходит выброс горячей воды. Жёлтые, оранжевые, коричневые, серые, синие, зелёные, лиловые. Какие только цвета и их оттенки не увидишь тут, в Долине Гейзеров. Склоны словно расчерчены мудрёным рисунком, автором которого является природа.

А на вершинах сопок, окаймляющих долину (в некоторых местах уж очень плотно), ещё лежит снег. А чуть ниже уже зелень. Трава, сторонясь горячих, пульсирующих время от времени источни-

зер «Великан» и «Большой», с шумом выбрасывающие огромный столп горячей воды из своих глубин. Есть гудящие и ревущие, кипящие, как «Врата Ада», и курящиеся равномерным дымком, как гей-

выброса начинает резко нарастать. Всё произошло в считанные секунды. В грифоне гейзера заклокотало, заурчало, загудело и раз за разом столп выброса горячей воды с каждым разом становится выше и выше.

ков, «скатывается» вниз, и кажется, весь склон усеян зелёными заплатками. Вот оно, где зима с летом встречается! Пока истает на вершинах последний снег, глядишь, и лето заканчивается, вновь зимой повеяло.

Над долиной завис орлан. Сделав пару кругов над дальним отрогом хребта, над лабиринтом скал и ущелий, он скрылся с глаз так же внезапно, как и появился.

Гейзеры — пульсирующие источники. Есть маленькие, едва парящие, а есть и огромные, как гей-

зеры Витража левого склона. Есть пульсирующие, булькающие грязевые котлы, застывшая глина на краях которых полопалась словно земля в знойной пустыне и при подходе к которым, на расстоянии вытянутой руки ощущаешь жар (а что же тогда там, в нутрии), и ровные круглые озёрки, наполненные до краёв горячей водой.

О том, как извергается гейзер «Большой», довелось убедиться и мне самому. Вроде бы ничего не предвещает мощного выброса. Гейзер курится лёгким дымком. И вот сила

Брызги от выброса кипятка полетели во все стороны. Около гейзера стало жарко. Выплеснутая вода по склону водопадом потекла в реку. Извержение продолжалось не более трёх-пяти минут. И так же неожиданно прекратилось. Столп воды упал. Пара стало меньше. Гейзер затих. Словно уснул. И так каждые сорок минут.

Давно уже стало традицией: побывать на Камчатке и не увидеть Долины гейзеров — значит не был на полуострове. Настолько крепко закрепилось это равенство между Камчаткой и Долиной Гейзеров. Даже вулканы тут уступили первенство!

...И вот я вновь над Долиной. Позади тревога за вылет — облако тумана действительно начало накрывать Долину, но в иллюминатор по правому борту ещё было видно ущелье с поднимающимся из него дымком, жёлтые откосы склонов. Вертолёт, выправив направление крутым виражом, взял обратный путь. До свидания, Долина гейзеров! Может быть, ещё свидимся!

МАСЛЕНИЦА в русской живописи

Масленица — это праздник, который ещё называется как Масленичная (сырная) неделя.

Наверное один из смыслов праздника в том, что всё имеет конец: конец зимы, конец года, конец жизни (зима всегда была аллегорией старости) — и одновременно сливается в бесконечность — всё возрождается к новому движению.

В образе Масленицы «Переломной» заключены конец и начало года, конец одного и начало другого этапа жизни людей тесно связаны с природой, её законами.

Русский народ называл встречу весны — встречей Масленицы, изгнание зимы — сожжением Масленицы или её проводами.

В старину эта неделя перед Великим постом была буквально переполнена праздничными делами; обрядовые и необрядовые действия, традиционные игры и затеи до отказа заполняли все дни. Сил, энергии, задора хватало на всё, поскольку царила атмосфера предельной раскрепощённости, всеобщей радости и веселья. В древности

масленица продолжалась две недели и приходилась на март. Каждый день Масленицы имел своё название, за каждым закреплены были определённые действия, правила поведения:

Понедельник — встреча, закличания весны.

В этот день из соломы делали чучело, надевали на него старую женскую одежду, насаживали это чучело на шест и с пением возили на санях по деревне. Затем Масленицу ставили на снежной горе, где началось катание на санях. Песни, которые поют в день встречи, очень жизнерадостны.

Вторник — заигрыши, появлялись скomorохи и гусяры.

С этого дня начинались разного рода развлечения: катания на санях, народные гулянья, представления. В больших деревянных балаганах (помещения для народных театральных зрелищ с клоунадой и комическими сценами) давали представления во главе с Петрушкой и масленичным дедом. На улицах попадались большие группы ря-

В. Суриков. Взятие снежного городка. 1891 г.

Л. Соломаткин. Масленица. 1878 г.

Б. Кустодиев. Масленица. 1920 г.

Б. Кустодиев. Масленица. 1919 г.

К. Маковский. Народное гуляние во время Масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге. 1869 г.

Б. Кустодиев. Масленица. 1916 г.

женых, в масках, разъезжавших по знакомым домам, где экспромтом устраивались весёлые домашние концерты. Большими компаниями катались по городу, на тройках и на простых розвальнях. Было в почёте и другое нехитрое развлечение — катание с обледенелых гор.

Среда — «лакомка», «разгул», активное блиноедение, хождение в гости.

Она открывала угощение во всех домах блинами и другими яствами. В каждой семье накрывали столы с вкусной едой, пекли блины, в деревнях вскладчину варили пиво. Повсюду появлялись театры, торговые палатки. В них продавались горячие сбитни (напитки из воды, мёда и пряностей), калёные орехи, медовые пряники. Здесь же, прямо под открытым небом, из кипящего самовара можно было выпить чаю.

Четверг — «разгуляй-четверток», «широкий», «запивание» блинов, кулачные бои.

На этот день приходилась середина игр и веселья. Возможно, именно тогда проходили и жаркие масленичные кулачные бои, кулачки, ведущие своё начало из Древней Руси.

Пятница — «тёщины вечера», «тёщины вечерки», штурм зимнего городка (крепости Марены).

Целый ряд масленичных обычаев был направлен на то, чтобы ускорить свадьбы, содействовать молодёжи в нахождении себе пары. А уж сколько внимания и почестей оказывалось на Масленице молодожёнам!

Традиция требует, чтобы они, нарядные, выезжали «на люди» в расписных санях,

наносили визиты всем, кто гулял у них на свадьбе, чтобы торжественно под песни скачивались с ледяной горы.

Суббота — «золовкины посиделки», «проводы», посиделки.

Начнем с того, что «золовка» — это сестра мужа. Откуда пошло такое название? Может, от слова зло? Ведь она всегда подмечала в жене своего брата слишком много отрицательных черт.

Воскресенье — Прощёный день, проводы, сожжение Масленицы — Марены, прощение обид, нанесённых друг другу.

В книге М. Забелина «Русский народ» рассказывается, как ещё в начале XVII века иностранец Маржерет наблюдал следующую картину: если в течение года русские чем-то оскорбили друг друга, то, встретившись в Прощенное воскресенье, они непременно приветствовали друг друга поцелуем, и один из них говорил: «Прости меня, пожалуйста». Второй же отвечал: «Бог тебя простит». Обида была забыта.

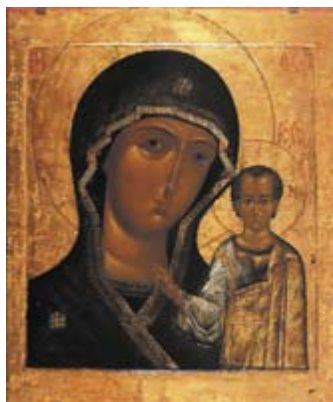
Масленица называлась ещё и Сырной седмицей и была последней неделей перед Великим постом.

Вся же неделя именовалась «честная, широкая, весёлая: барыня Масленица, го-спожа Масленица».

Русский исторический праздник, который отмечают с незапамятных времён нашёл отражение в известных картинах русских художников.

Мамин платочек с узелком

Когда сын уходил в армию, мама ему говорит:
— Сынок, возьми вот этот платочек с узелком, тут земля нашего родного края. Память тебе будет о доме и обо мне.

И он положил платочек с небольшим узелком к себе в карман.

Будучи на фронте, он всегда перед боем прижимал узелок к губам и укладывал его обратно на место. Солдаты улыбались его причудам, а он им объяснял:

— Это мамин узелок, так я вспоминаю её и свой край, где родился и мне не так страшно идти на врага. Этот платочек бережёт меня!

И правда, как-то поблизости взорвался снаряд, и осколок от него впился в медную пуговицу шинели, а его незначительно задел. И такие случаи повторялись.

Война, длившаяся долго, закончилась Победой!

Враг, напавший на Родину, был уничтожен!

Солдат вернулся домой здоровый и невредимый. Мама радостно встретила его и спрашивает:

— Сынок, сохранил ли узелок?

— Да, — отвечает он.

— Так береги его для счастья!

А вскоре мамы не стало, тяжёлый военный быт тыла и переживания за сына дали о себе знать!

И он, столкнувшись с житейскими заботами, забыл про узелок: работа, женитьба, дети родились, и сам стал чувствовать себя неважно. И тут он вспомнил про узелок. Нашёл его в шкафу, где лежала военная гимнастёрка. Развязал узелок и увидел землю, золотистый песок и там в нём — маленькую иконку Божией Матери.

— Так вот Кто меня уберёт от всех несчастий, — воскликнул он.

А иконка тепло заискрилась от встречи с ним. И ему стало легче.

Синий чулок

Выражение, обозначающее презрительное название женщин, всецело поглощённых книжными, учёными интересами, возникло в Англии в 80-х годах XVIII века и не имело того пренебрежительного значения, которое получило позднее. Первоначально оно обозначало кружок лиц обоего пола, собиравшихся у леди Монтегю для бесед на литературные и научные темы. Душою бесед был учёный Бенджамен Стеллингфлит (1702–1771), который, пренебрегая модой, при тёмной одежде носил синие чулки. Когда он почему-либо не появлялся в кружке, там повторяли: «Мы не можем жить без синих чулок, сегодня беседа идёт плохо — нет синих чулок! «Таким образом, это прозвище впервые получил мужчина, а не женщина.

Калачом не заманишь

Русские до XVII века ели ржаной хлеб (как бедные, так и богатые). Из пшеничной муки лишь на праздники пекли калачи и считали их большим лакомством. Калачом не заманишь — никакими лакомствами, никакими обещаниями не заманишь.

И поселился бобр в деревне...

Как-то раз заехал я полднем к брату в деревню, а он мне сразу с ходу:

— Пойдём, чего покажу! — и тянет меня к деревенскому пруду, что прямо на центральной улице в междурядье домов. От дома до пруда рукой подать — всего-то десятка три шагов будет.

Не пойму, в чём дело.

Подходим. Брат указывает на противоположный берег, тот, что ближе к просёлочной дороге.

— Смотри!

И тут я вижу то, о чём даже и не мог предположить — на берегу сидел, старательно перебирая ворс своей плотной шубы... крупный бобр.

— Откуда?! — удивлённо вымолвил я.

— Да вот уже как третий день к ряду местных старушек пугает. Заметит кто к пруду идёт, подпустит поближе да как шлёпнет по воде хвостом, только брызги в разные стороны, а сам под воду. Сейчас, наверное, уже пообвыкся, не старается перво-наперво в воду от местного народа занырнуть.

А бобр действительно вовсе не обращал на нас никакого внимания. Чешется, обирается, словно у себя в хатке.

— За три дня неоднократно пытался под дорогу подкоп сделать. Да что-то не ладится у него. Вон землю повыбивал в нескольких местах, — рассказывает брат.

Пока мы разговаривали, разглядывая нового деревенского жителя, бобр плюхнулся в воду и у нас на глазах поплыл к прибрежному корьяжнику, половина которого «сошла» в пруд. Приподнялся над водой, зацепил лапами ветку, которая покрупнее, да как резанёт её зубами. Надломилась ветка, запутавшись в кроне. Тогда бобр ещё ловчее подпрыгнул и всё-таки выхватил ветвь, зажал её зубами и потащил в дренажную трубу, что была уложена под дорогой и служила переливом в случае весеннего паводка. Сам вперёд — ветка сзади. Старательно протащил её в трубу и тотчас принялся обгрызать. В трубе эхо играет — шум на весь пруд.

Вот те на! Белый день, а бобр прятаться от деревенского люда вовсе и не собирается — занимается своими делами.

— Кто-то на днях из местных жителей пошутил, — заметил брат, — что

как бы дорогу плотиной этот бобёр не перегородил. Лодки покупать будем!

— К вечеру я вновь приехал в деревню понаблюдать за бобром. У берега толпилась ребятня, чей интерес был направлен исключительно на хозяйственного новосёла. Все дивились на бобра, как он ловко кусты корьяжника подтачивает. В природе такое увидеть — большая удача, а чтобы вот так в деревне — и подумать было нельзя!

Бобр — скрытный зверь, не любит человеку на глаза показываться, а уж тем более работать в его присутствии. Застать бобра за его «плотницким» делом для человека удивление, а для бобра — тревога. Если бобр на берегу и вдруг заметит человека, то обязательно в воду сойдёт, подержится на плаву да как вдарит своим хвостом-лопатой о водную гладь, извещая об опасности, и уйдёт под воду. Хорошо, если вынырнет где-нибудь на безопасном расстоянии, а то и вовсе не покажется — по своим подводным коридорам уйдёт к хатке.

Помню, в детстве подсмотреть за бобрами было любимым занятием. Хорошо знал, где живут лесные строители, благо лесная речка рядом текла. Русло узкое поначалу было. А как бобры плотину выстроили, берега подняли — вода разлилась по прибрежному ельнику, да так разлилась, что местами вовсе русла речного не видать.

Устроил я тогда себе намест — приспособил берёзовый, бобрами обгрызенный кол между двух ольх, что выросли с расщепами в стволах. Приходил я к реке загодя по светлomu, как мог поудобнее устраивался на своей «жёрдочке», и с этого момента наступало время ожидания предвечерних сумерек — поры, когда бобры начинают в свои наземные «мастерские» выбираться.

И не всегда удавалось мне увидеть речных строителей. Бобры, словно прознав про моё присутствие, вовсе не спешили выходить на берег. И частенько вся моя настойчивость в желании увидеть бобров вознаграждалась лишь тем, что я слышал, как орудовали они на противоположном берегу речки, валя подгрызенные осинки да берёзки, как передвигались, шурша густыми крепями корьяжника, чавкая водой, как странно ворчали меж собой. Как ни старался я увидеть зверьков, ничего у меня

не получалось — темнота ночи надёжно скрывала их.

А когда всё-таки удавалось увидеть бобра, я дивился тому, как этот речной увалень, который, как мне казалось, еле-еле и по суше-то передвигается, может возводить плотины, поднимая реки, строго по законам физики валить в добрый человеческий обхват осины, строить хатки на речных омутах или подрывая под берегом норы-убежища. А ведь для этого нужны проворство и сноровка!

...Ещё несколько дней прожил бобр в деревенском пруду, забавляя собой местных жителей, а потом пропал. Видимо, отправился в одну из ночей искать себе пристанище поспокойнее. Уж больно одолели его любопытствующие, да и настырность детворы с прутишками в руках покоя не давала: то водную гладь теревить начнут, пуская волну, то бегать станут с берега на берег, заставляя бобра то и дело нырять. Ну какая тут спокойная жизнь?! Ребятню понять можно — когда ещё такое диво дивное увидишь, чтобы бобёр сам в деревню пришёл! Да откуда пришёл-то, совсем непонятно. Ни одной речки рядом с деревней нет, только лес да поля. Не один день, наверное, бродил бобёр в поисках дома, лесом шёл, полем шёл, пока не набрёл на деревенский пруд, в котором и решил загостить, а может быть, и насовсем обустроиться. Откуда было бобру знать, что его появление в деревне привлечёт к нему столько внимания!

ПЕРСПЕКТИВЫ КОСМОСА

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

Зачем нам нужен космос? Ну, во-первых, это красиво — совершенно не вдохновляет перспектива того, что человечество, как плесень, может быть ограничено исключительно поверхностью планеты. Пусть даже это такая прекрасная планета, как Земля. Человек всегда стремился к новому и неизведанному. Земля была изучена вдоль и поперёк — перед нами следующий увлекательный объект исследования — Солнечная система. Кроме того, жизнь на Земле не является замкнутой. Она определяется более общими законами — космическими. Вся жизнь на Земле возможна благодаря энергии, приходящей из космоса — а именно от ближайшей звезды — Солнца.

После того как был сделан первый шаг и стало понятно, что пилотируемые космические полеты в принципе возможны, естественно возникла следующая идея — посетить ближайшее к Земле космическое тело — Луну. И люди жадно ухватились за эту идею. Вторая половина XX века была посвящена выяснению, кто сможет первым ступить на поверхность естественного спутника Земли. Был в этом и положительный момент — соревнование в космической сфере стало средством нейтрализации агрессии. В мире, в котором атомного оружия было гораздо больше, чем политического здравого смысла, космос стал гладиаторской ареной, на которой «сталкивались» представители противоборствующих систем. При этом рисковали своими жизнями только те, кто хотел ими рисковать, не подвергая смертельной опасности остальное человечество.

С окончанием лунной гонки космос в общественном мнении землян как бы отошёл на второй план. Вот уже сорок четыре года ни один космонавт не летал в космос дальше орбиты Земли. После лунной экспедиции Вернер фон Браун — отец американской лунной программы — который в тот момент был в должности заместителя директора НАСА по планированию пилотируемых космических полётов, — представил правительству США три плана развития космонавтики. Два первых (самых дорогих) включали экспедицию на Марс. Был принят третий (самый дешёвый), в котором была только орбитальная станция и космический челнок. Что и было выполнено в последующие годы. Фон

Сергей Глядкин

Сравнительные размеры планет Солнечной системы и их спутников

Брауна поддерживает Рэй Бредбери — ещё один знаменитый мыслитель западного полушария: «Если бы мы развивали науку, осваивали Луну, Марс, Венеру, кто знает, как выглядел бы современный мир? Человечество получило возможность бороздить космос, но оно хочет только потреблять — пить пиво и смотреть сериалы».

Но похоже, что передышка была всё-таки необходима. За это время выросло новое поколение, которое относится к космонавтике как к обычной работе, без лишней восторженности. На новый уровень вышла техника. Компьютеры, связь и эргономика сейчас совсем не те, что были 50 лет назад. Когда видишь первые космические аппараты, поражаешься, как рисковали первые космонавты, отправляясь в неизвестность на таких ненадёжных устройствах.

Итак, объект исследования — Солнечная система. Это 8 планет и несколько сотен спутников. Самые разнообразные миры: от раскалённых кусков скалы — Венера и Меркурий; очень похожего на Землю Марса — планеты с атмосферой пусть разряженной и непригодной для дыхания, полярными шапками и пыльными бурями как в пустыне Сахара, до самых экзотических планет. Взять, например, Юпитер — пятая, следующая после Марса планета, диаметром более чем в 10 раз превосходящая Землю. За

счёт внутренних процессов Юпитер излучает энергии больше, чем получает от Солнца. Еще немного (а точнее, если бы он был «всего лишь» в 75 раз тяжелее), и он стал бы звездой типа коричневого карлика. А Солнце стало бы двойной звездой.

Автоматические аппараты уже давно изучают Солнечную систему, но пилотируемая экспедиция ускорила бы исследования в разы. Все страны — участники космического клуба планируют межпланетные путешествия. Станцию на Луне собираются построить: США — в 2024-м, Россия — в 2029-м, Китай — в 2050-м годах. Марсианское путешествие США планирует на 2030-е годы. Много озвучивается самых фантастических планов — например, создание колонии переселенцев на Марсе. И планетная станция и марсианский полёт предполагают длительное пребывание человека в космосе. Экспедиция на Марс — это от 15 до 24 месяцев полёта, плюс ожидание на Марсе благоприятного для обратной дороги расположения планет. На сегодня рекорд по времени пребывания в космосе у русского космонавта Валерия Полякова — 438 дней. В принципе хватило бы долететь до Марса и обратно.

Но длительный полёт ставит много вопросов жизнеобеспечения. Давайте один за другим обсудим их все, ориентируясь в первую очередь на опыт работы больших орбитальных станций МКС и «Мир».

1) Энергетические вопросы решаются довольно надёжно. Солнечные батареи дают достаточно энергии, даже на орбите Земли, где половину времени они в тени.

2) Вода доставляется на МКС транспортными корабля-

ми. Отработанную воду частично разлагают на кислород, а частично сбрасывают за борт. Но в межпланетном полёте это невозможно, поэтому уже разработана технология, обеспечивающая полностью замкнутый водяной цикл.

3) Воздух. На МКС космонавты дышат одним и тем же воздухом, в который добавляют полученный электролизом кислород и из которого извлекают влагу, углекислоту и загрязнения. Углекислоту сбрасывают за борт. Это тоже не годится для длительной экспедиции. Нужно перерабатывать углекислый газ обратно в кислород. На Земле есть очень эффективная технология такой переработки — все зелёные растения.

4) Очень важен вопрос об очистке воздуха. Все прибывающие на МКС космонавты говорят о специфическом запахе станции. Ещё бы — они попадают в замкнутый объём, в котором дышали и потели космонавты почти 15 лет.

5) Самая серьёзная проблема межпланетной станции — питание экипажа. На Земле человек является звеном очень непростой пищевой цепочки. Самостоятельно он не может усваивать энергию солнца, это могут только имеющие хлоро-

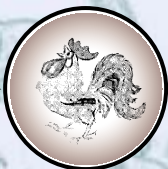
филл растения. На всех орбитальных станциях пища доставлялась с Земли. Но для марсианской экспедиции будет очень непросто заготовить консервы на всю дорогу. А как быть на планетной станции? Теоретически возможно заполнить достаточно большой, открытый для солнца резервуар, например, морской капустой. Кроме пищи такая установка даст ещё необходимый для дыхания кислород. Короче, космическое земледелие — это то, без чего обойтись невозможно. На МКС пока выращивали только салат латук — неплохо для витаминов, — экипаж остался доволен. Но одним салатом сыт не будешь...

6) Человек производит довольно много отходов. В длительном путешествии это тоже проблема.

7) Наконец, последние в списке, но не последние по значимости — медицинские проблемы. Их так много, что мы сможем только коротко их перечислить: влияние невесомости на организм, привычный к постоянной силе тяжести; космическая радиация; земные микробы в космосе ведут себя иначе, и, наконец, психологические проблемы команды, на многие месяцы безвыходно запертой в ограниченном пространстве.

Марсоход «Кьюриосити» вот уже 4 года бороздит поверхность красной планеты

МОРОЖЕНЫ

А то ишшо вот песни.

Все говорят: «В Москву за песнями». Это так зря говорят. Сколь в Москву ни ездят, а песен не привозили ни разу.

А вот от нас в Англию не столь лесу, сколь песен возили. Пароходишши большущи нагрузят, таки больши, что из Белого моря в окиян едва выползут.

Девки да бабы за зиму едва напевать успевали. Да и старухи, которы в голосе, тоже пели — деньги зарабатывали: Мы сами и в толк не брали, что можно песнями торговать. У нас ведь морозы-то живут на двести пятьдесят да на триста градусов, ну, всякой разговор на улице и мёрзнет да льдинками на снег ложится.

А на моей памяти ещё доходило до пятисот. Стары старухи сказывают — до семисот бывало, ну да мы и не порато верим.

Что не при нас было, то, может, и во все не было.

А на морозе, како слово скажешь, так и замерзнет до оттепели. В оттепель растает, и слышно, кто что сказал. Что тут смеху бывает и греха всякого! Которо сказано в сердцах (понасердки), ну, а которо издевки ради — новы и хороши слова есть. Ну, которы крепки слова, те в прорубь бросаю. У нас крепким словом заборы подпирают, а добрым словом старухи да старики опираются. На крепких словах, что на столбах, горки ледяны строят.

Новой улицей идёшь — вся мороженой руганью усыпана, — идёшь и спотыкаешься. А нова улица вся в ласковых словах — вся ровненька да ладненька, ногам легко, глазам весело.

Зимой мы разговору не слышим, а только смотрим, как сказано.

Как-то у проруби сошлись наши Анисья да сватья из-за реки. Спервоначалу ладно говорили, сыпали слова гладкими льдинками на снег, да покажись Анисье, что сватья сказала кисло слово (по льдинке видно).

— Ты это что, — кричит Анисья, — курва эдака, како слово сказала? Я хошь ухом не воймую, да глазом вижу!

И пошла и пошла, ну, прямо без удержу, ведь до потемни сыпала! Да уж како сыпала, — прямо клала да руками поправляла, чтобы куча выше была. Ну, сватья тоже не отставала, как подскочит да как начала переплётыв ледяны выплетать! Слово-то всё дыбом!

А когда за кучами мерзлых слов друг дружку не видно стало, разошлись. Анисья дома свекровке нажалилась, что сватья ей всяческих кислых слов наговорила.

— Ну, и я ей навалила! Только бы теплого дня дожждаться — оно хошь и задом наперёд начнёт таять, да её, ругательницу, наскрозь прошибет.

Свекровка-то ей говорит:

— Верно, Анисьюшка, уж вот как верно, и таки ли они горлопанихи на том берегу — просто страсть. Прошу зиму и отругиваться бегала, мало не сутки ругались, чтобы всю-то деревню переругать. Духу не переводила, насилу отругала. Было на уме ишшо часик-другой поругаться, да опара на пиво была поставлена, боялась, кабы не перестояла. Посулила ишшо на спутье забегать поругать.

А малым ребятам забавы нужны, — каки ни на есть бабушки, матери-потаковшшицы подол на голову накинута от морозу, на улицу выбежат, наговорят круглых слов да ласковых. Ребята катают, слова блестят, звенят. Которы ребята окомы — дак за день-то много слов ласковых переломают. Ну, да матери на ласковы слова для ребят устали не знают.

А девки — те все насчёт песен. Выйдут на улицу, песню затянут голосисту, с выносом. Песня мёрзнет колечушками тонюсенькими — колечушко в колечушко, буди кружево жемчужно-бральянтово отсвечиват цветом радужным да яхонтовым. Девки у нас вы-

ТЕЩИ

Степан Писахов
Художник Г. Беда

думщицы. Мёрзлыми песнями весь дом по переду улепят да увесят. На конёк затейно слово с прискоком скажут. По краям частушки навесят. Коли где свободно место окажется, приладят слово ласковое: «Милый, приходи, любый, заглядывай».

Весной на солнышке песни затают, зазвенят. Как птицы каки невиданны запоят. Вот уж этого краше нигде ничего не живёт!

Как-то шёл заморской купец (зиму у нас проводил по торговым делам), а известно — купцам до всего дело есть, всю-

ду нос суют. Увидал распрекрасно украшение — морожены песни, и давай ахать от удивленья да руками размахивать:

— Ах, ах, ах! Кака антиресность диковинна, без бережения на самом опасном месте прилажена. — Изловчился да отломил кусок песни, думал — не видит никто. Да, не видит, как же! Робята со всех сторон слов всяческих наговорили и ну — в него швырять. Купец спрашивает того, кто с ним шёл:

— Что такое за штуки, колки какие, чем они швыряют?

— Так, пустяки.

Иноземец с большого ума и «пустяков» набрал с собой. Пришёл домой, где жил, «пустяки» по полу рассыпал, а песню рассматривать стал. Песня растаяла да только в ушах прозвенела, а «пустяки» по полу тоже растаяли да как заподскакивают кому в нос, кому во что. Купцу выговор сделали, чтобы таких слов больше в избу не носил.

Иноземцу загорелось песен назаказывать в Англию везти на полюбование да на послушание.

Вот и стали девкам песни заказывать да в особый ящик складывать, таки термояшники прозываются. Песню уложат да обозначат, которо перед, которо зад, чтобы с другого конца не начать. Больши кучи напели, а по весне на первых пароходах отправили. Пароходиши нагрузили до трубы, В заморску страну привезли. Народу любопытно: каки таки морожены песни из Архангельского? Театр набили полнёхонек.

Вот яшники раскупорили, песни порастаяли да как взвились, да как зазвенели! Да дальше, да звонче, да и все. Люди в ладоши захлопали, закричали: «Ишшо, ишшо». Да ведь слово — не воробей: выпустишь — не поймашь, а песня что соловей: прозвенит — и вся тут. К нам шлют письма, депеши: «Пойте песен больше, заказывам, пароходы готовим, деньги шлем, упросом просим: пойте!»

А сватьяна свекровка, — ну, та самая, которая отругиваться бегала, — в песни втянулась. Поёт да песенным словом помахиват, а песня мёрзнет; как белы птицы летят. Внучка старухина у бабки подголоском была. Бабкина песня — жемчуга да бральянты-самоцветы, внучкино вторенье — как изумруды. Столь антиресно, что уж думали в музей сдать на полюбование. Да в музее-то у нас, сами знаете, директора сменялись часто и каждый норовил своё сморозить, а покупали что приезжи сморозят — будто привозно лутче.

Ну, бабкину песню в термояшник.

Девки поют, бабы поют, старухи поют. В кузницах стукоток стоит — термояшники сколачивают.

На песнях много заработали. Работа не сколь трудна. Мужики заговорили:

— Бабы, зарабатывайте больше. Надоели железны крыши, в них и виду нет, и красить надо. Мы крыши сделаем из серебра и позолоченны.

Бабы не спорят:

— Нам английских денег не жаль...

Мужики выпрямились, бородами трягнули:

— Вы это, бабы, для кого песни поёте? Дайко-се мы их разуважим, «почтение» окажем.

Мужики борода в сторону отвернули для песенного простору и начали. Оно и складно, да хорошо, что не нам слушать. Слова такие, что меньше оглобли не было! И одно другого крепче.

Для тех песен особенны яшники делали. И таки большушши, что едва в улицы проворачивали.

К весне мороженных песен кучи наклали. Заморски купцы снова приехали. Деньги платят, яшники таскают, грузят да и говорят: «Что порато тяжелы сей год песни?»

Мужики бородачи рты прикрыли, чтобы смеху не было слышно, и отвечают:

— Это особенны песни, с весом, с уважением, значит, в честь ваших хозяев. Мы их завсегда очень уважаем. Как к слову приведётся, каждой раз говорим: «Кабы им ни дна ни покрывки!» Это по-вашему значит — всего хорошего желаю.

И так у нас испокон веков заведено. Так и скажите, что это от архангельского народу особенно уважение.

Иноземцы и обрадели. Пароходы нагрузили, труб не видно, флагами обтянули. В музыку заиграли. Поехали. От нашего хохоту по воде рябь пошла.

Домой приехали, сейчас — афиши, объявления. В газетах крупно пропечатали, что от архангельского народу особенное уважение заморской королеве: песни с весом!

Король и королева ночь не спали, с раннего утра задним ходом в театр забрались, чтобы хороши места захватить. Их знакома сторожиха пропустила.

Прочему остальному народу с полден праздник объявили по этому случаю.

Народу столько набилось, что от духу в окнах стёкла вылетели.

Вот яшники наставили, раскупорили все разом. Ждут.

Все вперед подались, чтобы ни одного слова не пропустить.

Песни порастаяли и — почали обкладывать.

На что заморски купцы нашему языку не обучены, а поняли!

Мезенская роспись

Мезенская роспись — одна из наиболее древних русских художественных промыслов. Ею народные художники украшали большинство предметов быта, которые сопровождали человека от рождения и до глубокой старости, принося в жизнь радость и красоту. Она занимала большое место в оформлении фасадов и интерьеров изб. Как и большинство других народных промыслов, свое название эта роспись получила от местности, в которой зародилась. Река Мезень находится в Архангельской области, между двумя самыми крупными реками Северной Европы, Северной Двиной и Печорой, на границе тайги и тундры.

Мезенской эту роспись назвали потому, что её родиной считается село Палашелье, расположенное на берегу реки Мезени, которое как центр росписи по дереву впервые упоминается в 1906 году. Поэтому в энциклопедиях и различных книгах по изобразительному искусству можно встретить второе название мезенской росписи — Палашельская. В самой же Мезени росписью не занимались.

Прежде всего мезенская роспись — это свой самобытный орнамент. Этот орнамент притягивает и завораживает, несмотря на свою кажущуюся простоту.

Символы зверей, птиц, плодородия, урожая, огня, неба, других стихий идут

ещё с наскальных рисунков и являются видом древнего письма, передающего традиции народов Севера России. Так, например, изображение коня в традиции народов, издревле населявших эту местность, символизирует восход солнца, а изображение утки — это порядок вещей, она уносит солнце в подводный мир до рассвета и хранит его там.

Традиционно предметы, расписанные мезенской росписью, имеют только два цвета — красный и чёрный (сажа и охра, позднее сурик). Роспись наносилась на негрунтованное дерево специальной деревянной палочкой (тиской), пером глухаря или тетерева, кисточкой из человеческого волоса. Затем изделие олифилось, что придавало ему золотистый цвет. В настоящее время в целом технология и техника мезенской росписи сохранились, за исключением разве что того, что чаще стали применяться кисти.

«За все добро»

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...

Безыскусные, с горчинкой, и всё-таки очень светлые строфы коснулись самого сердца... Переворачиваю страницу — и там о ней, малой родине, но уже более широко и глубже:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...

И в том, как точно, с каким удивительным чувством меры повторялось далее слово «тихо», уже был виден не только талантливый поэт, но и мастер. А строки ведут, и каждый глагол — сквозь сердце, и, наконец, как выдох:

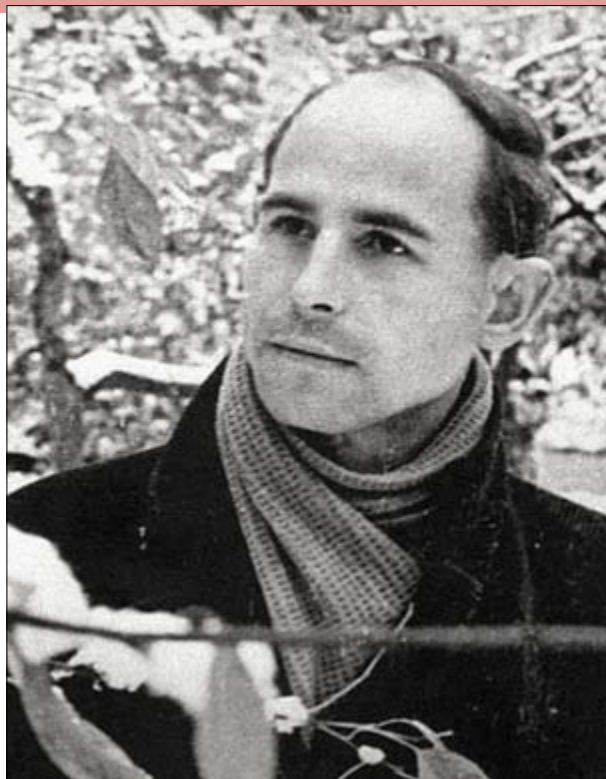
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Простые и пронзительные, эти строки не дойдут разве что до человека, для которого не только поэзия, но и родина — пустой звук. Знал ли Николай Михайлович, тогда для большинства просто Коля, что в «самой смертной» связи с ним, поэтом, будут тысячи, а потом и миллионы людей — даже те, кто до сих пор смотрел на поэзию, особенно современную, свысока?

Каждая страница в сборнике — ступенька в глубокий внутренний мир Николая Рубцова. До сих пор многие склонны причислять его к поэтам чисто лирическим, камерным. Но вот третье по порядку стихотворение — «Русский огонёк».

Огнём, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый,
Будет ли война? —
И я сказал: — Наверное, не будет.

Ни одного громкого слова, а какая точная и ёмкая картина! И строки, ставшие уже крылатыми:

Николай Рубцов

За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Весь размах души поэта, вся глубина памяти и энергия творческой силы не вылились даже, а выхлестнулись, как весенняя река из берегов, — в знаменитом уже «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» А музыка, которая так органична всей поэзии Рубцова, достигает здесь поистине симфонической мощи. И «таинственный» всадник, что скрылся в тумане полей, будто перелетел с картины Чюрлёниса на книжную страницу... И вот — последние страницы сборника. И снова стихи

...И жёлтый плёс, и голос близкий,
И шум порывистых берёз...

расплатимся добром...»

с грустинкой, — тонкой, присущей только Рубцову, далекой от унылости, но какой-то очень щемящей.

Спасибо, ветер! Твой слышу стон.
Как облегчает, как мучит он!
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!
Я сам покинул родную крышу...

Цельная, сюжетно законченная книга. Это и радует, и тревожит почему-то...

— Кто он такой? Где живёт, в каком городе? Сколько ему лет? — С этими вопросами кинулась я в перерыве к сокурсникам.

— Как кто? Да студент. Двумя курсами выше.

— Неужели?..

Книга, естественно, так же исчезла из моих рук, как и появилась. Студент... Попрошу подарить... Пыталась вообразить будущую встречу, но для этого надо было представить его, и не только внешне. Вспоминалось почти античное: «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий... Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!..» — и рисовался статный облик уверенного в себе и в жизни человека. И рядом: «Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица, Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!» А уж это и совсем другое: «В минуты музыки печальной не говорите ни о чём...» Грустный, тихий человек? Тогда о ком же это: «Как под гибким телом Азамата, Подо мною взвился б аргамак!» И почти весёлое: «Я забыл, как лошадь запрягают. И хочу её позапрягать...», и в конце: «А потом втыкал бы важно вилку Поросёнку жареному в бок...»

Окончательно сбившись в догадках, решила положиться на волю судьбы. И вот — общежитие Литинститута. Кто-то из однокурсников подзывает в коридоре: «Вон видишь, навстречу идёт? Рубцов!» И оставляет одну. От неожиданности я встала. «Как, вот этот — угрюмый, в серой, выдавшей виды, одежде... почти без волос... непонятный какой-то — и есть Рубцов? Обманули, должно быть...»

Но бежать было некуда. Уже заметили меня его тёмные внимательные глаза, и, чем ближе он подходил, тем больше я видела в нем поэта — того самого, и не могла сделать ни шага — уже от волнения. Будь что будет!

— Извините, Николай... Михайлович...

Он остановился.

— Я прочитала вашу «Звезду полей», в магазинах её уже нет...

— А-а, — неожиданно улыбнулся, да так простодушно, открыто, что мне сразу стало легко. — Я не уверен, что у меня самого она ещё есть. Разобрали, — и почти удивленно развел руками. И опять улыбнувшись: — Ну, я пойду...

— Конечно, — сказала я торопливо и растерянно: так быстро всё произошло. Было и радостно, и чуть обидно.

...И вот январский морозный день. В зале периодики Кировской областной библиотеки имени Герцена всегда много народу, а вечером тем более. Открываю газету — и перед глазами чернеют скорбные строки о Поэте. Не успеваю даже взять себя в руки — слёзы застилают глаза, падают на газету. Встаю под недоуменными взглядами, отхожу к окну, долго смотрю на заснеженный город, заставляя себя успокоиться...

Только через несколько лет удалось побывать там, где рос, учился и жил Николай Михайлович. Плыли мы по Сухоне на северо-восток. Оживали строки и целые стихи поэта. Несмотря на непогоду, гости из разных уголков страны не уходили внутрь в кубрики, молча причащались той неброской красоте, что так тонко и глубоко воспел Рубцов. А вечером звучали песни на его стихи (оказывается, их очень много), вспоминались страницы его биографии.

...И всё-равно под небом низким
Я вижу явственно, до слёз,
И жёлтый плёс, и голос близкий,
И шум порывистых берёз.

Музей Н. Рубцова в Никольском

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

Подолгу в эти дни на капитанском мостике простаивал Василий Белов, глядя на пологие, тронутые скупым осенним солнцем берега. Вологодские поэты Ольга Фокина и Александр Романов рассказывали гостям о дружбе с Рубцовым, и каждый новый штрих был дорог и весом. Накапливали новый материал художники — те, что не только берегут память о Поэте, но и прекрасно оформляют его книги. Важнейшим в те дни было открытие памятника Николаю Рубцову в Тотьме скульптора Вячеслава Клыкова. А на встречах с читателями, проходивших и в селе Никольском, и в Тотьме, тесно связанных с судьбой Николая Рубцова, — мы ещё раз убедились, как любят здесь его поэзию, как с каждым годом растёт число почитателей этого доброго и большого таланта. Не оставил своим вниманием поэт и младшее поколение, его детские стихи давно полюбились всеми.

Медведь

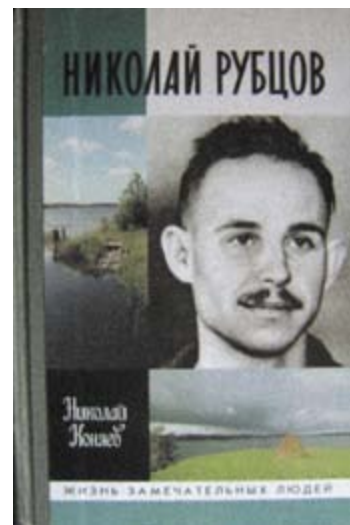
В медведя выстрелил лесник.
Могучий зверь к сосне приник,
Застряла дробь в лохматом теле.
Глаза медведя слёз полны:
За что его убить хотели?
Медведь не чувствовал вины!
Домой отправился медведь,
Чтоб горько дома пореветь...

Какое счастье, что всегда можно взять с полки томик Рубцова, открыть наугад и никогда не ошибиться.

...Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы —
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

С крутого берега родной ему реки Сухоны всматривается он и в новый день, и в нас: как-то мы любим Россию? Как-то воспринимается его поэзия сегодня? Впрочем, многочисленные издания его стихов в последние годы говорят сами за себя.

...Скачут ли свадьбы в глуши потрясённого бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,

Льётся ли чудное пение детского хора, —
О, моя жизнь! На душе не проходит волненье...
Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,
Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.
Что ж я стою у размытой дороги и плачу?
Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...

Именем Николая Рубцова названа улица в Вологде. Она такая же не длинная, как его жизненный путь. В городе Тотьме, самом близком для поэта, его имя присвоено районной библиотеке. На его стихи написано немало песен, в том числе такие известные, как «В горнице», «Букет» и другие. В Тотьме и Вологде ему воздвигнуты памятники. Но главное — поэзия его живёт и помогает жить нам, и это уже — навсегда. Как вот эти строки:

... За нами шум и пыльные хвосты —
Всё улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы...

Памятник Н. Рубцову в Вологде

Голубой зверёк

В густом лесу на горе было темно, как под крышей. Но вот вышла луна из-за тучи, и сейчас же засверкали, заблестели снежинки на ветках, на елях, на соснах и засеребрился гладкий ствол старой осины. У вершины её чернела дыра — дупло.

Вот по снегу мягкими, неслышными прыжками подбежал к осине тёмный длинный зверёк. Остановился, понюхал, поднял кверху острую мордочку. Верхняя губа приподнялась — мелькнули острые, хищные зубы.

Это куница — убийца всех мелких лесных зверей. И вот она, чуть шурша когтями, бежит уже вверх по осине.

Вверху из дупла высунулась усатая круглая головка. Через миг голубой зверёк уже бежал по суку, осыпая снег на ходу, и легко прыгнул на ветку соседней сосны.

Но как ни легко прыгнул голубой зверёк, ветка качнулась, — куница заметила. Она согнулась в дугу, как натянутый лук, потом выпрямилась — и стрелой перелетела на качавшуюся ещё ветку. Куница понеслась вверх по сосне — догонять зверька.

Нет никого в лесу проворней куницы. От неё не уйти даже белке.

Голубой зверёк слышит погоню, ему некогда оглянуться: надо скорее, скорее спастись. С сосны он прыгнул на ель. Напрасно зверёк хитрит, бежит по другой стороне ели, — куница скачет по пятам. Зверёк забежал на самый конец еловой лапы, а куница уже рядом — хватя зубами! Но зверёк успел спрыгнуть.

С дерева на дерево неслись голубой зверёк с куницей, как две птицы среди густых веток.

Прыгнет голубой зверёк, нагнётся ветка, а куница за ним, — ни на миг не даёт передышки.

И вот уже не хватает у голубого зверька сил, уже слабеют лапки; вот прыгнул и не удержался — падает вниз. Нет, не

упал, уцепился по дороге за нижнюю ветку — и вперёд, вперёд из последних сил.

А куница бежит уже поверху и высматривает с верхних ветвей, как удобнее броситься вниз и схватить.

И вот на миг голубой зверёк остановился: лес прервался пропастью. Куница тоже на всём скаку остановилась над зверьком. И вдруг кинулась вниз.

Прыжок её был точно рассчитан. Она всеми четырьмя лапами упала на то место, где остановился голубой зверёк, но он уже прыгнул прямо в воздух и полетел, — медленно, плавно полетел по воздуху над пропастью, как во сне. Но всё было наяву, при яркой луне.

Это была полетуха, летяга — летучая белка: у неё между передними и задними лапками натянута свободная кожа, которая парашютиком держала её в воздухе.

Куница не прыгнула вслед: она не может летать, она упала бы в пропасть.

Летяга повернула хвост и, красиво закруглив полёт, спустилась на ёлку по ту сторону пропасти.

Куница щёлкнула зубами со злости и стала спускаться с дерева.

Голубой зверёк ускользнул.

Облака

Я с детства люблю разглядывать облака. Помню, мы с мамой шли пешком от железнодорожной станции до нашего села. Дорога казалась бесконечной.

По сторонам лежали поля и луга. А над нами плыли облака. Я шёл, задрав голову,

С годами я вообще пришёл к выводу, что нет ничего на земле, вернее, над землёй, прекрасней облаков. Не буду описывать, какими они бывают — слов нет, чтобы описать их необычную красоту, просто однажды взгляните на небо...

и думал: «Хорошо им там в синеве, плывут куда хотят без всякой усталости».

Потом, уже в селе, когда я ходил к дальнему колодцу за водой, я часто ложился в траву и, запрокинув руки за голову, смотрел на облака.

Они не плыли, а неподвижно стояли над селом — над церковью, прудом, садами и надо мной.

Видно, думал я, им понравилось наше место. И они с высоты любят себя им. А я люблюсь ими снизу, белоснежными и пышными...

Теперь я живу в Москве, а летом — на даче. Рядом с нашим дачным посёлком — просторное поле. Я часто хожу туда и как в детстве, задрав голову, смотрю на облака.

Однажды я взял с собой на поле свою пятилетнюю внучку. Поле было засеяно горохом. Он уже созрел, и внучка стала собирать зелёные стручки.

— Аннушка, взгляни на небо! Смотри, какие облака плывут!

Внучка нехотя поднимает голову:

— Подумаешь, облака! Давай, дедушка, лучше горох собирать...

Наш деревенский Шаляпин

У моей бабушки был брат. Звали его Матвеем. Жил он в соседней деревне. Это был известный в наших местах человек — у него был такой низкий бас, что когда он пел, мы, мальчишки, затыкали уши. Звали его все Шаляпиным.

Однажды бабушка послала меня к деду Матвею за керосином. И вот тут-то в его доме я спросил:

— Матвей Иванович, а почему вас все Шаляпиным кличут? У вас ведь совсем другая фамилия.

Старик удивлённо посмотрел на меня:

— За голос!

— За голос? — протянул я озадаченно.

— Да ты, я вижу, не знаешь — кто такой Фёдор Иванович Шаляпин. Ну, брат, не ожидал...

Дед Матвей полез в шкаф и вытащил патефон. Обтёр его рукавом, снова сунул в шкаф и достал завернутую в тряпицу пластинку.

— У меня вот только одна его есть. «Песня про блоху» — так она называется. Вот послушай...

Сквозь треск и шипенье заигранной пластинки я услышал голос певца. Он пел про какого-то короля. «Жил-был король когда-то. При нём блоха жила», — с трудом разобрал я.

И тут дед Матвей поднялся и стал подпевать. Сначала негромко, а потом во всю мощь своего голоса. А рассказывалось в той потешной песне о том, что эта самая блоха была королю милее брата и ей даже сшили

кафтан. — «Блохе кафтан?» — обращаясь ко мне, спрашивал дед Матвей и хохотал так, что мне казалось, что вот-вот рухнет потолок.

Когда пластинка закончилась, старик вытер пот со лба и спросил:

— Ну как? Теперь понял, кто такой Шаляпин?

— У вас лучше получается. Громче!

— Ну не думал я, что ты такой балбес. Громче... Да разве в этом дело? Ну, реву я как бык. А что толку? А Шаляпин пел так, что одни замирали, а другие плакали. А после концерта его на руках выносили. Сам видел. Я ведь когда в Москве подрабатывал, как увижу в Сокольниках на тумбах евонную фамилию, так сразу билет покупаю. Да что Сокольники! Он весь мир объездил! И везде ему браво кричали. Хоть когда он про сатану споёт иль дубинушкой по залу ухнет... — Дед помолчал и вдруг неожиданно с какой-то печалью сказал: — Аты — громче. Да, разве в этом дело?

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Детская роман-газета»! На страницах «ДРГ» уже были опубликованы мои рассказы — огромное спасибо за их публикацию!

Алиса Лисичкина, 13 лет, Самара

ВЕСНА. НЕБО. ПОДСНЕЖНИКИ

Воздух раннего Апреля очень свеж и ещё не насыщен уморительно сладкими ароматами всевозможных цветков, перемешанных меж собою и трудно различимых друг от друга. Небо, как и в холодные зимние дни, пока не налилось привычной лазурью и остаётся серым, скучным. Его заполонила лишь лёгкая пелена суровых облаков, но оно не может прорваться через неё. А внизу, на земле уже всё покрылось нежной зеленью, самой первой и светлой, какая бывает только ранней весной; листочки подснежников, густо растущих на лесных полянах, сплошь усеяны капельками росы, чудесные кристально-белые соцветия выглядывают отовсюду, создавая чувство, что снег всё лежит на опушке. Стволы деревьев, освободившиеся от налипших на грубой шершавой коре снежинок, мирно стоят в забвении, мелодично шурша голыми ветвями, не скованными более искрящимися сосулька-

ми. Все эти липы да рябины не торопятся распускать свои побеги; они только дают основательно прорости почкам и бутонам, из которых уже совсем скоро проклюнутся такие же чистые, как и всё вокруг, листья. Жизнь снова продолжается после недолгого зимнего сна.

Вдруг на поляну всходит пёс. Он ступает осторожно, но всё равно подминает под себя первоцветники. Возможно, кто-то заметит странность в походке собаки и поймёт, что раньше она ступала уверенно, бодро, зная эту тропинку, пролегающую меж леса, зная округу. Теперь же большие, широко расставленные лапы несли её неуверенно, даже робко, спотыкались, останавливались временами. А всё от того, что мир изменился до неузнаваемости. Раньше здесь тяжёлыми, грузными шапками лежали сугробы, и в них было очень весело возиться с хозяином, падали с неба красивые, но холодные белоснежные хлопья, серебряным куполом смыкались тысячи покрытых инеем переплетённых ветвей. Теперь же мягкая первозданная зелень сменила серое одеяние природы, тропка из цепочки следов незаметно растворилась в полумраке...

Пёс открывает для себя что-то новое, новый свет с новыми красками, в котором чувствуется еле уловимое, чуть пряное дыхание лета, которое вот-вот придёт. С вышины прилетел крошечный, совсем сухой старый листик. Он вернулся ещё из осени, и был когда-то красивым и багряным. Собака гулко залаяла и прыгнула за листом, но тот уже утонул в траве.

Наконец, она убегает дальше, к западу, и скрывается из виду. Становится тихо. И вдруг серая пелена неба разрывается, и проявляется его маленький, насыщенно-бирюзовый кусочек. Приближается что-то очень хорошее. И оно настанет совсем скоро.

Художник Л. Зубарёва

Помогите
девочке найти
двух одинаковых
мишек.

Наш ВЕРНИСАЖ

1

2

4

Работы воспитанников
Центральной городской детской
библиотеки им. С. Аксакова,
г. Трехгорный Челябинской обл.

1. Иноземцева Вика, 8 лет. «Портрет с мамой»
2. Медина Аня, 10 лет. «Весенний дождь»
3. Тишкина Настя, 8 лет. «Весенние цветы»
4. Иноземцева Рита, 8 лет. «Портрет мамы»
5. Вознесенская Лиза, 9 лет. «Портрет мамы»

3

5

РОМАН-ГАЗЕТА **3**
етская

2016 (201)

БУХТИНЫ:
Наш деревенский
Шляпин

Весна! Весна красна!
Тепло солнышко!
Приди скорей,
Согрей детей!
Приди к нам с радостью!

С великой милостью!
С льном высоким!
С корнем глубоким!
С хлебом богатым!

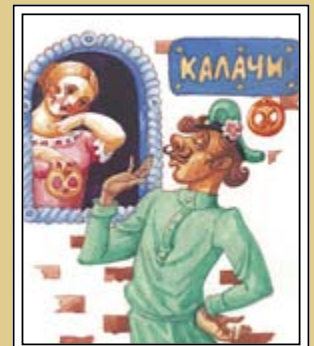
Закличка про весну

Александр Бенуа. Масленица в Петербурге. Фрагмент эскиза декорации. 1911 г.

РАССКАЗЫ:
И поселился бобр
в деревне...

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
Калачом не заманешь

УГОЛОК РОССИИ:
Камчатка